

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

ДИАЛЕКТИЗАЦИЯ БИОЛОГИИ

(дискуссии и репрессии в 20-е — начале 30-х гг.)*

Среди естественных наук биология в наибольшей степени испытала воздействие жесткого административно-государственного управления наукой и оказалась восприимчивой к различным политическим и идеологическим влияниям. Расовая гигиена, евгеника, антропология в нацистской Германии и мичуринская биология в СССР показали, как ради политических целей наука идеологизируется и превращается в свою противоположность. Стремление понять механизмы подобного превращения породили обширную литературу о биологии в Германии при Гитлере [1] и в СССР при Сталине [2]. В ней анализируются взаимоотношения между наукой, идеологией и властью в условиях господства партийной номенклатуры, осуществляющей непрерывный контроль за всеми сторонами жизни общества и проводящей массовые репрессии. Особой популярностью при объяснении этого феномена пользуется концепция тоталитаризма, побуждающая исследователей искать черты сходства и различий в поведении научного сообщества в целом, его отдельных групп и ученых в условиях тоталитарного режима [3].

Правда, не раз отмечалось, что концепция тоталитаризма упрощает реальную картину событий, не учитывая такие моменты в режимах двух стран, как экстренная модернизация экономики, быстрое и коренное преобразование социальной структуры общества, подготовка новой элиты во всех сферах общественной жизни, массовая поддержка политики правящей партии, внедрение коллективистских форм поведения и т. д. Остается неясным, почему ученые охотно шли на сотрудничество с тоталитарными правительствами, нередко участвуя в псевдонаучных проектах. Нельзя забывать и о том, что тоталитаризм — это не изобретение XX в., а, как точно заметил К. Поппер, лишь современный эпизод вечного бунта против свободы и разума.

Успехи сравнительных исследований зависят прежде всего от анализа исходных социально-культурных и политических условий, в которых начиналось развитие российской биологии в послереволюционный период. В противном случае трудно понять, почему, в отличие от Германии, где национал-социалисты быстро установили жесткую дисциплину и подчинили науку политико-административному и идейному контролю, в СССР потребовалось более трех десятилетий для установления, и то лишь на несколько лет, господства «мичуринской биологии». При анализе взаимоотно-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (код проекта 95-06-17-409), РГНФ (код проекта 97-03-04023), *WV-Stiftung* в рамках проекта *Bildungsgeschichte unter totaliterian Bedingung. Ein Vergleich zwischen NS-Deutschland and Rußland unter Stalin*. Расширенный вариант этой статьи передан для публикации в Германии в сборнике под редакцией проф. Д. Бойрау.

ношений между биологией, идеологией и властью авторы, как правило, основное внимание уделяли деятельности Т. Д. Лысенко и ее связи с общей партийно-государственной политикой, обусловившей подъем лысенкоизма и его процветание. В обширной литературе по истории борьбы с лысенкоизмом биологическое сообщество, как правило, представлено жертвой лысенковщины, порожденной сталинским режимом. Между тем причины этого общественно-политического явления в науке XX в. не сводятся лишь к пристрастиям и вкусам руководителей советского государства. Появление Т. Д. Лысенко и его сторонников в высших эшелонах науки в значительной степени связано с многочисленными попытками в 20-е— начале 30-х гг. создать некую «пролетарскую» или «диалектическую» биологию. В те годы не только и даже не столько политическое руководство, сколько сами ученые были инициаторами идеологизации и диалектизации естествознания.

Пионеры диалектизации биологии, среди которых впоследствии оказалось немало жертв сталинских репрессий, активно способствовали созданию первых научных марксистских организаций, печатались в идеологических журналах, активно участвовали в многочисленных дискуссиях о соотношении марксизма и различных естественно-научных концепций. Важной предпосылкой для появления лысенкоистского варианта «советской биологии» была деятельность в Ленинграде в годы «культурной революции» марксистских организаций, которые возглавлял И. И. Презент, ставший вскоре правой рукой Т. Д. Лысенко и его главным идеологом.

В этих организациях и журналах отражалась борьба внутри биологического сообщества, реакция различных групп ученых на попытку насильственной диалектизации и пролетаризации биологии, воздействие этих попыток на тематику и язык биологических исследований, на ритуал научных мероприятий (конференций, съездов, обществ), на идеи, ценности, традиции научного сообщества, на его взаимоотношение с властями, на стиль поведения ученых. Анализ сложной констелляции институциональных, социально-политических и идеологических факторов, действовавших в 20-е— начале 30-х гг. в отечественной биологии, позволит лучше понять причины возникновения лысенковщины. В предшествовавших ей попытках диалектизации и пролетаризации биологии можно выделить несколько этапов, на каждом из которых доминировали разные группы, отличавшиеся друг от друга трактовкой отношений между наукой и практикой, философией и биологией, традиционными школами в биологии и пролетарскими научными кадрами. Выделение и краткое рассмотрение этих этапов — основная задача данной статьи.

Большевики и биологи

Создание нацистской биологии в Германии и пролетарской биологии в СССР шло в разном социально-культурном контексте. Многие немецкие ученые задолго до 1933 г. усвоили идеологию имперского национализма [4]. Патриарх эволюционизма Э. Геккель был инициатором конкурса по

использованию дарвинизма для внутривнутриполитического развития государства. Приз получил В. Шальмайер, который вместе с А. Плоетцем считается основателем расовой гигиены. До прихода Гитлера к власти сложились взгляды классиков арийской биологии (Е. Фишера, Ф. Ленца, Отто фон Вершуера), установился их союз с праворадикальными кругами, возникли институты и кафедры расовой гигиены, евгеники и антропологии [5].

Но не только «расовые гигиенисты» приветствовали приход Гитлера к власти. Так, крупный палеонтолог К. Бойрлен в 1933 г. оценивал это событие как «национальную революцию», «духовное возрождение нации» и «возвращение немецкого народа к своим истокам» [6]. В Советской России пройдет немало лет, прежде чем славословия Октябрьской революции станут обычными в трудах биологов. Один К. А. Тимирязев сразу стал доказывать конгениальность дарвинизма и марксизма [7]. В первом сборнике «Дарвинизм и марксизм» (Харьков, 1923) было только три статьи советских авторов, две из них — перепечатка работ Тимирязева.

Как и большинство научной интеллигенции, биологи враждебно встретили большевиков. Их взгляды точно выразил создатель учения о биосфере В. И. Вернадский в 1921 г.: «Все изгажено и ухудшается — ничего сделать не удастся ... Высшая школа переживает тяжелый кризис и она надолго искалечена» [8]. Обстановка в Академии наук оценивалась так: «... В общем сильнейшее чувство рабства и полное отсутствие какого бы то ни было улучшения» [9]. Но арестами и обысками будущие корифеи советской биологии (В. И. Вернадский, физиолог А. А. Ухтомский, генетик Н. К. Кольцов, гидробиолог К. М. Дерюгин и др.) приучались соблюдать лояльность к советской власти и ее идеологии.

Эта лояльность была необходима коммунистическим вождям, чья прометеевская вера в возможности науки побуждала к организации новых институтов и университетов в таких масштабах, о которых ученые до революции не могли и мечтать. В этом отношении коммунистическая политика идентична нацистской. Следует учитывать и общность взглядов немецких и российских ученых на науку как способ служения государству, на необходимость ее использования в практических целях для улучшения общества. Но в отличие от Германии, где неарийцы отстранялись от работы, в Советской России практически всем крупным биологам, независимо от их происхождения и политических взглядов, была предоставлена возможность продолжать исследования, руководить лабораториями, кафедрами, институтами, готовить научные кадры.

Вот почему российские ученые не меньше, чем немецкие, ценили государственную поддержку своих исследований. В том же 1921 г. Вернадский оправдывал сотрудничество с большевиками своих учеников: геохимика А. Е. Ферсмана, основателя биогеохимии А. В. Самойлова, радиохимика В. Г. Хлопина, рассматривая их научную работу «как залог всего будущего и доказательства роста и силы будущего России» [10]. Позднее, находясь несколько лет за границей, Вернадский, под влиянием писем учеников, пришел к выводу: «Сейчас результаты научной работы в пределах России

очень велики и с ними приходится считаться здесь всем. Русские ученые, оставшиеся там, делали и делают большую мировую работу... » [11]. После неудачных попыток получить деньги для биогеохимических исследований он вернулся в Россию, веря, что научная деятельность неизбежно преобразит коммунистический режим. По сходным соображениям остался на родине И. П. Павлов [12].

Сциентистская политика советского правительства привлекала и зарубежных ученых. На формирование взглядов биологов в СССР влияли немецкие биологи-марксисты, эмигрировавшие в СССР в 20-е — 30-е гг.: бывший комиссар Баварской республики М. Л. Левин и Ю. Шаксель — ученик Э. Геккеля, «первый марксист среди биологов и первый биолог среди марксистов» [13, с. 9]. Считается, что «черты идеологической воинственности и бескомпромиссности» у первого поколения биологов-марксистов были «следствием свойственной их учителям-немцам прямолинейности и твердости» [14, с. 49].

С первых дней советской власти большевики начали создавать учреждения для отраслей биологии, признанных базовыми для марксистской идеологии и реализации их грандиозных планов [15]. Пронаучная политика большевиков воплощалась также в организации кафедр по новейшим отраслям биологии, в основании биологических и философских журналов, в переводе на русский язык сочинений классиков биологии и западных ученых. Особое внимание уделялось эволюционной биологии и генетике, на которые возлагались большие надежды в преобразовании общества, сельского хозяйства и природы. Не случайно первым президентом созданной в 1929 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) стал генетик и эволюционист Н. И. Вавилов.

Доминировавшая недавно в отечественной истории науки апологетика сотрудничества ученых с коммунистическими правителями России сменилась поиском только негативных его последствий. Однако история науки — не лучшее место для нравоучительных жизнеописаний в духе Плутарха. Научная интеллигенция считала, что царское правительство практически игнорировало нужды науки, в то время как большевики создали обстановку, стимулировавшую научные исследования, вовлечение в них широких кругов талантливой молодежи — благодаря повышению социального статуса ученых, созданию институтов, лабораторий, обществ, институтов. 20-е — 30-е гг. стали периодом наивысших достижений отечественных ученых в важнейших тогда отраслях биологии (генетике, экологии, этологии и т. д.). Весь мощный интеллектуальный потенциал отечественной науки, созданный в предреволюционные десятилетия, оказался востребованным только в 20-е гг. И большинство ученых прекрасно это понимали, хотя к самому режиму они обычно относились негативно.

Ученые, зависящие от государственного финансирования, стремились к сотрудничеству с властями. Они обзаводились покровителями среди партийных лидеров, используя их влияние в решении организационных и административных вопросов. Такими патронами были для И. П. Павлова

член Политбюро Н. И. Бухарин, для директора Института экспериментальной биологии Н. К. Кольцова — наркомы Н. А. Семашко и А. В. Луначарский, для Н. И. Вавилова — председатель Совнаркома А. И. Рыков и секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов. Без подобной поддержки было бы трудно вести крупномасштабные исследования.

Первые попытки диалектизации биологии (1923–1928 гг.)

Нуждаясь в специалистах, правительство не доверяло им и установило контроль над деятельностью научных и учебных заведений. В 1918 г. был создан Научно-технический отдел (с 1921 г. — Научно-техническое управление) Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), в 1921 — Главнаука в Наркомпросе, соответствующие структуры в наркоматах здравоохранения и земледелия. С осени 1920 г. началось решительное наступление на высшую школу [16]. Был принят и новый устав, вводивший классовый принцип приема и отстранявший от преподавания многих представителей общественных наук. Студенты, принятые по классовому признаку, нередко выступали и против преподавателей естественных дисциплин, жалуясь на недоступность лекций из-за их «буржуазной» направленности.

Для пропаганды марксизма и подготовки марксистских кадров создавалась сеть марксистских учреждений и организаций. Еще в годы гражданской войны организуется Социалистическая (1918, с 1924 — Коммунистическая) Академия (Комакадемия) [17]. В 1919 г. возникает Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, а двумя годами позже — Институт Красной профессуры (ИКП) [18]. Здесь готовилась партийная молодежь и для работы в области естествознания. Преподавателей и слушателей особенно не загружали работой. За «пак, комнату, жалование, в общем материальную обеспеченность и занятие своей научной работой» ставилось лишь одно условие — «материалистическое мировоззрение в философии, науке и общественных вопросах» [19, с. 148].

В 1924 г. создается Тимирязевский научно-исследовательский институт, в регламент которого впервые вводились идеологические ограничения для работы по естественно-научной тематике. В нем могли работать «лица, обладающие строго материалистическими взглядами в области естествознания», а от сотрудников некоторых подразделений требовалось «диалектико-материалистическое мировоззрение» [20, с. 292]. В апреле 1925 г. в Комакадемии создается Секция естественных и точных наук, субсидировавшая исследования, важные для борьбы за материализм. Создавались общества по пропаганде марксизма среди естествоиспытателей: Общество воинствующих материалистов (1923), Кружок врачей-материалистов при 1-м Московском университете (1924), Кружок биологов-материалистов в Комакадемии (1925), Общество материалистических друзей гегелевской диалектики (1927). Особенно были важны общества (биологов-материалистов, врачей-материалистов и психоневрологов-материалистов), оформившиеся в 1927 г. при Комакадемии.

На страницах научных, философских и общественно-политических журналов печатались статьи по философским проблемам биологии и психологии. О росте интенсивности исследований по данной тематике можно судить по журналу «Под знаменем марксизма» (ПЗМ). В год его выхода (1922) не было ни одной статьи по биологии. В 1923 г. публикуются работы Б. Э. Быховского и К. Н. Корнилова о психологии. В 1924–1925 гг. появляются статьи А. Н. Бартенева, Д. Гульбе, Ф. Ф. Дучинского, М. М. Завадовского по эволюционной теории. С 1926 г. статей по биологической тематике — больше десяти. Статьей Ю. Шакселя о витализме начал в 1925 г. «Вестник Коммунистической Академии» (ВКА) публикацию работ по биологии и стенограмм происходящих в Комакадемии дискуссий о соотношении дарвинизма и ламаркизма, наследовании приобретаемых признаков, евгенике, психоанализе и т. д. В резолюции ЦК РКП(б) от 18 июля 1925 г. отмечалось начало «проникновения диалектического материализма в совершенно новые области (биологию, психологию, естественные науки вообще)» [21, с. 152].

Первоначально диалектизацией биологии занялись марксисты, имевшие о ней смутные представления, но лихо делившие концепции в физиологии, генетике и эволюционной теории на диалектические и метафизические, сравнивая их положения с законами диалектики: А. Н. Бартенев, Л. Боголепов, Г. А. Гурев, М. Попов-Подольский, В. Рожицын, В. Сарабьянов и др. [22]. Осужденные за вульгаризацию марксизма и невежество в биологии, они уступили место биологам, спешивших уведомить власти о принятии официальной идеологии. Почти одновременно публикуются работы ботаника Б. М. Козо-Полянского, систематика А. А. Любищева, психоневролога В. М. Бехтерева, генетика А. С. Серебровского, эмбриолога М. М. Завадовского и др., в которых заявлялось о соответствии взглядов авторов основным положениям диалектического материализма [23].

Дискуссии стали политизироваться, когда к ним подключились биологи и философы, получившие высшее образование, часто через ИКП и Комвузы, после революции. Появляются книги молодых биологов, изначально обсуждавших научные проблемы с позиций диалектического материализма, — например, ботаника И. М. Полякова [24]. Они были убеждены в преимуществах методологии марксизма и боролись «с монополией стариков», не дававших развиваться науке и мешавших рабочим и крестьянам приобрести знания [19, с. 150].

Особое значение имела деятельность генетика и философа И. И. Агола, врача и генетика С. Г. Левита, философа М. Л. Левина в Москве, эмбриолога Е. А. Финкельштейна в Харькове, философа и генетика В. Н. Слепкова в Казани и др. Они возглавили основные марксистские организации, связанные с разработкой философских проблем биологии. Они верили в правоту марксизма и не мирились с другими взглядами. Имея опыт гражданской войны, партийных и студенческих чисток, активно использовали политические обвинения в дискуссиях. Вначале они были уверены, что признание наследования приобретаемых признаков необходимо для марк-

систов, и это даже зафиксировалось в курьезной опечатке «ламарксизм» [25]. Знакомство с генетикой изменило их взгляды. Отныне они доказывали, что только теория естественного отбора и хромосомная теория наследственности соответствуют диалектическому материализму [26]. Биологический коммунизм внесли в дискуссию дух непримиримости ко взглядам оппонентов, обвиняя их в витализме, мистицизме, идеализме, телеологии и других смертных грехах. Подобный стиль усваивали и другие участники дискуссий. Возрастала агрессивность формулировок. Выступая 20 ноября 1926 г. в Комакадемии, генетик А. С. Серебровский заклинал присутствовавших «рассеять туман ламаркизма» и звал к бескомпромиссной борьбе с ним «под знаменем революционного марксизма всюду и в первую очередь здесь в стане нашей Коммунистической Академии» (цит. по [27, с. 231—232]). По воспоминаниям Ф. Добржанского, уже в 1926 г. аргументом в биологических спорах часто становилась апелляция к диалектическому материализму [28, с. 230].

В условиях устанавливающегося тоталитаризма идеологические дискуссии и проработки завершались оргвыводами и кадровыми перестановками. Идеальной формой часто прикрывали откровенный карьеризм. Молодые биологи и философы воспринимали традиционные научные школы как конкурентов и не возражали против университетских чисток в 1924 г., реорганизации АН в 1929 г. и т. д. [29]. Они старались ускорить профессиональную карьеру, обвиняя своих учителей и коллег в приверженности к «буржуазной» науке, к идеализму и механицизму в биологии. Но и биологи старшего поколения участвовали в марксистских организациях и журналах, стараясь сохранить или повысить свой статус, получить финансовую поддержку, низвергнуть конкурентов, защититься от нападок. Как показал Марк Уолкер, аналогичными мотивами руководствовались и немецкие физики при нацизме [30].

Эти первые три этапа «диалектизации» биологии шли на фоне идейной борьбы между представителями различных направлений в самой биологии, например между сторонниками дарвинизма и ламаркизма, приверженцами И. П. Павлова, А. А. Ухтомского и В. М. Бехтерева в физиологии и т. д. Провозглашенный Л. Д. Троцким и В. И. Лениным в первых номерах журнала «ПЗМ» лозунг о союзе «воинствующих материалистов» с естествоиспытателями еще не ограничивал исследования по теоретической биологии. При отсутствии ясных представлений о диалектической методологии каждый мог объявлять близкие ему концепции соответствующими марксизму, а взгляды оппонентов и конкурентов — несоответствующими.

В обстановке ожесточенных дискуссий по общетеоретическим проблемам биологии, в непрерывной борьбе с «павловщиной», «бехтеревщиной», «райковщиной», «корниловщиной» и т. д. формировалась практика навешивания ярлыков на оппонентов, которые шельмовались как реакционеры, пособники классового врага и мировой буржуазии. Все острее становилось не столько стремление убедить оппонента, сколько указать власть предрекающим на вредность его взглядов. Биологи-дарвинисты

(В. М. Шимкевич, А. М. Никольский, Б. П. Козо-Полянский и др.) инициировали резкую критику номогенеза Л. С. Берга и исторической биогенетики Д. Н. Соболева, которые фактически стали первыми естественно-научными концепциями, осужденными по идеологическим мотивам.

Напрасно физиолог А. Ф. Самойлов предупреждал, что «приемами такой ожесточенной полемики вряд ли можно будет водрузить знамя диалектики в современном естествознании», и предлагал воодушевленным верой в силу диалектического метода в познании природы доказать на деле его преимущество [31]. Не многие так открыто выступали против диалектизации биологии. Большинство представителей «буржуазной» интеллигенции ограничивались заявлением о материалистической направленности своих исследований.

Эпицентром идеологических бурь, сотрясавших биологию в те годы, была Москва, где находились основные марксистские учреждения и общества, а близость к правящим кругам обостряла конкуренцию за их покровительство. Здесь к 1927 г. сложилась сеть научных учреждений и обществ, входящих в состав Комакадемии или финансируемых ею. Ее общества были достаточно многочисленны. Около сорока человек состояло только в обществе биологов. И среди них было немало первоклассных ученых [32].

Диалектизация биологии и марксистские учреждения в Ленинграде

В Ленинграде диалектизация биологии не имела серьезной поддержки среди ученых. До 1929 г. здесь не было учреждений Комакадемии и отделения Общества биологов-марксистов (ОБМ). Сотрудники Коммунистического научно-исследовательского института, возникшего в 1921 г. при Коммунистическом университете им. Зиновьева, не интересовались проблемами естествознания [33, л. 1—3]. Членами организованной в 1923 г. естественно-научной секции Научного общества марксистов (НОМ), созданного в 1919 г., до начала «культурной революции» было всего несколько человек, среди которых только физиолог А. А. Ухтомский (рюрикович по происхождению) и орнитолог П. В. Серебровский (служивший в армии Врангеля) пользовались авторитетом в научном сообществе. Возглавлявшая секцию старая большевичка Э. С. Гайказова числилась физиологом в университете. На ее заседания, проходившие в кабинете ректора университета, приходило 10—15 человек [34]. И на пленарных заседаниях общества обычно было 8—12 его действительных членов, а актовый зал университета заполнялся слушателями из учреждений, где преподавал докладчик, и военными, направляемыми, возможно, по наряду [35].

Инициаторами создания НОМ были сотрудники факультета общественных наук университета (ФОН), декан которого Е. А. Энгель и возглавил НОМ. НОМ не раз критиковалось на страницах «Петроградской правды» и журнала «ПЗМ» за мягкость по отношению к ученым-немарксистам. Губком РКП(б) приписывал следить за тем, чтобы «доклады носили действительно марксистский характер», а не напичкивались терминологией

марксизма [36, л. 1]. Особенно губкому досаждал философ И. А. Боричевский, доказывавший вредность философии Гегеля для естествознания и призывавший марксистов не вмешиваться в естественно-научные споры [37, л. 79]. Его выступления, как и лозунг ректора Коммунистического университета С. М. Минина «Философию за борт!», всполошили диалектизаторов естествознания. Сперва губком намеревался закрыть НОМ, но ограничились переизбранием его президиума, делегированием в его состав представителей губкома и исключением из общества неугодных членов. Вскоре председателем стал М. В. Серебряков, бывший комиссар Балтийского флота и член партии с 1904 г., который также был мягок с естествоиспытателями-немарксистами и не допускал идеологических выпадов в их адрес.

Для поднятия авторитета НОМ в качестве докладчиков приглашались известные ученые Н. И. Вавилов, В. Л. Комаров и др. Их выступления носили сугубо научный характер. Бурную дискуссию вызвал доклад на пленарном заседании НОМ (1925) известного невропатолога В. М. Бехтерева, который доказывал, что созданная им рефлексология должна стать основой марксистской социологии. Но критики воздерживались от диалектической риторики и наклеивания ярлыков [37]. Дискуссия показала, что сторонники нескольких школ в физиологии высшей нервной деятельности и психологии предлагали свои услуги марксистской социологии. С 1925 г. в естественно-научной секции появился И. И. Презент, закончивший юридическое отделение ФОНа, но считавший себя специалистом в диалектике живой природы. Он собрал группу студентов и с их помощью старался дестабилизировать работу секции, встретив отпор со стороны ее руководства и правления НОМ [38].

К концу 1927 г. стало ясно, что НОМ не справляется с задачами пропаганды марксизма среди естествоиспытателей. Не раз в документах партийных и государственных органов отмечалось, что недостаточно «выяснена физиономия общества», что в публикациях НОМ «нет отражения современных проблем, а само общество не может считаться марксистским» [39, л. 10]. Да и состав общества вызывал подозрения властей. В 1928 г. все его члены имели высшее образование, меньше половины из них были коммунистами, а выходцев из рабочих и крестьян почти не было.

Положение НОМ усложнилось после создания в начале 1927 г. Института по изучению марксизма-ленинизма (ЛИМ), возникновение которого связано с прибытием в Ленинград выпускников ИКП, в том числе и интересовавшихся философией естествознания (Р. Э. Яксон, Г. С. Тымянский, М. Л. Ширвиндт и др.). Вначале большинство сотрудников ЛИМа не имело высшего образования и печатных трудов, но почти все были членами партии [40].

Члены секции философии ЛИМа и ее естественно-научного семинара были последователями А. М. Деборина, возглавлявшего тогда Институт философии и журнал «ПЗМ». К ним примкнул и Презент, ставший вначале внештатным сотрудником института. В соответствии с идеями Деборина, Презент видел свою задачу в «построении внутренней логики биологиче-

ского процесса» и в анализе «логической структуры различных биологических теорий» [41, л. 22].

В ЛИМе Презент развивает бурную деятельность. Он входит в группу по подведению итогов дискуссии с механицистами, выступает с докладом «Философия и естественные науки», публикует компилятивную книгу о происхождении языка. По словам одного из главных борцов с лысенкоизмом Д. В. Лебедева, под псевдонимом Презент издал книгу о бахаизме, религиозном учении в странах Ближнего Востока. Но его интересы все больше концентрируются на проблемах биологии. Он постоянно выступает с докладами, которые, по отчетам Института, вызывали длительные дискуссии. Тем не менее ему потребовалось около года, чтобы, будучи ученым секретарем секции философии, стать штатным сотрудником Института [42, л. 47].

С самого начала руководство ЛИМа (Б. Н. Позерн, С. Л. Гоникман), опиравшееся на поддержку обкома, стремилось поглотить НОМ [43, л. 5]. 28 мая 1928 г. научно-политическая секция в Наркомпросе приняла решение о «реорганизации НОМ и объединении его с работой Института» [44, л. 7]. Полтора года ушло на попытки доказать различие задач Общества и Института. Но все было тщетно. 20 декабря 1929 г. фракция ВКП(б) НОМ выступила с предложением ликвидировать НОМ в связи с существованием аналогичной марксистской организации в Ленинграде и передать его имущество в Комакадемию [45, л. 42—43]. Такое решение и было принято Главнаукой 5 января 1930 г. [45, л. 41]. Естественно-научная секция НОМ вошла в недавно созданное Ленинградское отделение Общества воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД), став основой будущего Ленинградского отделения Общества биологов-марксистов (ОБМ) [46, л. 24]. Из ее членов только П. Н. Овчинников и И. И. Презент участвовали в последующей диалектизации биологии. Одновременно Ленинградский облизполком закрыл и другие общества, тематика которых была близка ЛИМу, но деятельность не укладывалась в жесткую структуру идеологического управления наукой.

«Культурная революция», «великий перелом» и вхождение биологии в тоталитарный режим

Ликвидация НОМ связана с «культурной революцией» и «великим переломом», призванными окончательно подчинить науку задачам социалистического строительства [47]. Сфабрикованные процессы инженеров и ученых («Шахтинское дело» и др.) имели цель обвинить старую интеллигенцию во вредительстве и внедрить партийных деятелей во внутреннюю жизнь научного сообщества. Прежде власти прямо не вмешивались в дискуссии, используя внутринаучную конкуренцию для укрепления своего контроля. Но хотя партийные выдвиженцы оккупировали важные посты в управлении наукой, в самой науке лица, получившие образование до 1917 г., как и прежде, занимали ведущие позиции. Система подготовки

«пролетарских» кадров Комакадемии и ИКП не обеспечивала вытеснения «буржуазных» специалистов. За пять лет (1924—1928) в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам (РАНИОН) удалось поднять процент членов партии среди аспирантов с 11,4 до 38,4, а среди выходцев из рабочих и крестьян — с 22,5 до 41,3% [48, л. 21]. В естественно-научных учреждениях партийная и пролетарская прослойка составляла ничтожное меньшинство. Попытки коренным образом изменить это положение и вызвали «культурную революцию» в науке.

К этому времени обострилось соперничество новых учреждений с традиционными школами и институтами в Ленинграде. Новая научная элита в марксистских организациях стремилась лишить АН особого статуса, получить возможность воздействовать на избрание новых академиков [49]. Весной 1927 г. директор ЛИМа Б. Н. Позерн на Всероссийском съезде Советов призвал бороться с «лордами на кафедрах» и привести в науку новые силы [50].

Тогда же группа московских ученых и руководителей науки выступила с инициативой создания Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТИСО) [51]. Она задумывалась как «приводной ремень» между партией и интеллигенцией и должна была бороться против «контрреволюции и вредительства в науке, нередко прикрываемых внешней лояльностью к советской власти, аполитичностью и нейтральностью исследований» [52, л. 21]. Планировалось подорвать авторитет крупных ученых, ослабить их влияние и запугать молодежь, склонную к их поддержке. В том же году возникает Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД), задуманное как массовая организация для борьбы за марксизм [53, л. 7].

Наступил следующий этап в диалектизации биологии, озаглавленный официальным осуждением механистического материализма в апреле 1929 г. на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений. Накануне руководитель Комакадемии М. Н. Покровский призвал прекратить мирное сотрудничество «марксистов с учеными, далекими от марксизма» [54, с. 270]. Наиболее отсталыми Покровский считал естественные и точные науки, где коммунисты не «изжили тон фетишизма перед буржуазными учеными». Была одобрена идея А. М. Деборина о внедрении диалектического материализма в естествознание, успехи которого не укладываются в рамки «механистических и формально-логических теорий» [55, с. 197].

Специальное постановление ЦК ВКП(б) придало решениям конференции директивный характер. Комакадемии поручался идеологический контроль за работой всех научных учреждений [56]. В 1930 г. ИКП вошел в состав Комакадемии, ее Секция естественных и точных наук была преобразована в Ассоциацию естествознания во главе с О. Ю. Шмидтом. В ее 11 учреждениях уже было около 300 человек. При Ассоциации образовывались новые общества марксистов (физиков, геологов, почвоведов и т. д.). Шмидт стал редактором нового журнала «Естествознание и марксизм» [57]. Учреждения Комакадемии распространялись по стране. Решением

ЦИКа СССР на базе ЛИМа в декабре 1929 создается Ленинградское отделение Комакадемии (ЛОКА) [58, л. 104]. Возникают региональные отделения обществ Ассоциации естествознания в других городах.

В декабре 1930 в дискуссию вступил Сталин, потребовавший «разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании». Сталинские указания немедленно были приняты к исполнению. 11 января 1931 г. Президиум Комакадемии приступил к «перестройке естественных и математических наук на основе материалистической диалектики» [59, с. 20]. Руководители Ассоциации естествознания обвинялись в капитуляции перед буржуазной наукой, в отрыве теории от практики, в засорении научных учреждений социально-чуждыми элементами, в аполитическом и академическом характере обществ при Комакадемии, в отклонении от подготовки кадров. Ассоциации предписывалось установить жесткий методологический контроль над исследованиями в научных институтах и преподаванием в учебных заведениях. Комакадемия должна была обеспечить «решительное выдвижение молодых сил из числа проявивших себя и выдержанных коммунистов». Все научные и учебные учреждения страны должны были представлять в Комакадемию планы для проверки. Требование связи научных исследований с задачами социалистического строительства позволяло ликвидировать любое направление, обвиненное в отрыве от практики.

В этих условиях нужны были более агрессивные диалектизаторы естествознания. Руководителем Ассоциации естествознания стал бывший начальник политотдела 5-ой армии и организатор рабочих дружин в Германии Э. Я. Кольман, который готов был даже законы Ньютона и Бойля—Мариотта переработать с позиций диалектического материализма и уверял, что биология в СССР кишит вредителями: генетики отстаивают евгенические мероприятия, зоологи и ботаники противостоят созданию совхозов-гигантов, ихтиологи занижают производительные способности прудов и рек [60]. Труды биологов — сторонников Деборина (Агола, Левита, Левина, Серебровского и др.) были объявлены антимарксистскими. Их места в Комакадемии и журналах «ПЗМ» и «Естествознание и марксизм», переименованного в «За марксистско-ленинское естествознание», заняла новая когорта диалектизаторов биологии (Б. П. Токин, В. С. Брангендлер, П. П. Бондаренко, Р. Э. Яксон, Г. Ю. Яффе, Х. С. Коштоянц и др.).

Не только борьба с «буржуазными» учеными, но и конкуренция за руководящие посты, за покровительство партийной элиты, за большее влияние были движущими силами в диалектизации биологии. Победители со спокойной совестью занимали освобождавшиеся места, нередко способствуя ниспровержению предшественников. Возглавивший биологию в Комакадемии Токин уже готов был к борьбе с Вавиловым [61, с. 12]. Но не успел Токин разобраться с «механистическим материализмом и меньшевистствующим идеализмом», как на него напала старая большевичка, будущий автор концепции «живого вещества» О. Б. Лепешинская [62, л. 1]. Она же с неменьшей страстью атаковала коммунистов-медиков 1-го

Московского университета, в первую очередь С. Г. Левита, за поддержку А. Г. Гурвича [63]. В архивах немало документов о том, что и будущие непреклонные борцы с лысенкоизмом не брезговали использовать марксизм для осуждения научных противников. Примером может служить письмо В. Н. Сукачева от 26 декабря 1931 г. И. И. Презенту, где предлагается выступить на философском семинаре с критикой работ В. Н. Беклемишева [64, л. 1—1 об.]. Ранее он резко выступал против своих коллег по Лесотехнической академии (ЛТА), называя их концепции контрреволюционными [65, л. 119].

«Проработке» подлежали все ученые, но в первую очередь заставляли каяться в философских и идеологических грехах свергнутых лидеров «диалектической биологии». В письме, опубликованном в журнале «ПЗМ» (1932, № 3—4), освобожденный от должности директора Тимирязевского института И. И. Агол «признавался» в игнорировании основных вопросов социалистического строительства, в подмене марксистской методологии естественно-научными теориями, в либеральном отношении к буржуазной науке, в биологизации социологии и т. д. Он обещал приложить все силы для борьбы с собственными теоретическими воззрениями. В те годы подобным смирением еще можно было заслужить прощение. Агол был назначен главным редактором нового журнала «Успехи современной биологии», а через год — вице-президентом Всеукраинской ассоциации марксистских учреждений.

И. И. Презент — герой своего времени

На каждом этапе «культурной революции» к руководству приходили все более агрессивные группы, а идеологический террор усиливался. Конкуренция была особенно жестокой между лицами, стремившимися к активному сотрудничеству с советской властью. В конечном итоге победителем в этой борьбе вышел И. И. Презент.

20 октября 1929 г. Презент возглавил естественно-научную секцию Ленинградского отделения ОВМД, сменив Г. С. Тымянского, а весной 1930 г. — Ленинградское отделение ОБМ. Одновременно он — доцент в Педагогическом институте и научный сотрудник в Институте философии. В дискуссии с деборинцами Презент оказался среди тех молодых философов, кто «быстро понял правильную партийную ориентировку» [66, л. 2] и изменил соотношение сил, присоединившись к критикам своего недавнего кумира. Ему с И. А. Вайсбергом было поручено руководство группой по разработке проблем биологии. Вскоре он возглавил сектор биологии в секции естествознания ЛОКА, преобразованной 19 мая 1931 г. в Институт естествознания [67, л. 1], где директором был Р. Э. Яксон, а его заместителем Я. М. Урановский. В тесном контакте с ОБМ работала и секция физиологии, возглавляемая Н. Н. Никитиным. В 1931 г. Презент организует в университете кафедру диалектики природы и эволюционного учения.

Кольман обвинял руководителей ЛОКА в пассивности в борьбе с «меньшевистствующим идеализмом», в результате чего в Ленинграде «сложилось

ненормальное положение», а «кадры не организованы» [68, л. 4]. «Организовывать кадры» было поручено Презенту. Он возглавил все организации, созданные в Ленинграде для проведения политики партии среди биологов, насильственного внедрения диалектического материализма в биологические исследования, искоренения поповизмов к инакомыслию. Крах деборинцев Презент умело использовал для ускорения карьеры. В материалах, хранящихся в личном архиве моего учителя К. М. Завадского, высказывается предположение, что последующая гибель ленинградских философов (И. А. Вайсберга, С. Л. Гонимана, И. И. Куразова, В. Ральцевича, Г. С. Тымянского, Я. М. Урановского, Б. А. Фингерта, Р. Э. Яксона и др.) связана с оговорами Презента.

Закаленный в предшествующих попытках диалектизации биологии, Презент как никто другой умел придать научным дискуссиям характер обострившейся классовой борьбы, будь то дискуссии о методике преподавания биологии, по охране природы, фитосоциологии и т. д. 7 марта 1931 г. на первом заседании Биологического сектора Презент вещал: «... Октябрьская революция в отношении перетряхивания теоретических установок только начинается... Нужно проделать черновую работу по сбору материала, чтоб представить себе все реакционные течения. Нужно взять на критику всех. Черновой просмотр, сборка материала должны вестись широко и массово во всех учреждениях» [69, л. 58]. В первую очередь он предлагает заняться реакционными течениями в генетике и ботанике, подготовкой всесоюзных съездов с целью захвата руководства научными обществами, методическим просмотром всех биологических кафедр, их трудов после революции. Его возмущало отсутствие ссылок в научных трудах и лекциях на партийные документы.

Для Презента не было авторитетов в науке. Он не признавал заслуг даже И. П. Павлова, В. В. Докучаева, В. Р. Вильямса, провозглашенных им впоследствии предшественниками лысенкоизма. Тогда же он заявлял, что в почвоведении нет докучаевской школы, есть только школы партийные и антипартийные. В те годы Презент признает диалектико-материалистический характер генетики, которую позднее будет называть отвратительным порождением буржуазной науки. Его жена Б. Г. Поташникова была аспиранткой В. Л. Комарова в АН и специализировалась в области генетики [70, л. 1], следуя за работами генетика Г. Д. Карпеченко, ближайшего сотрудника Вавилова. Впоследствии Презент сыграл зловещую роль в гибели Вавилова, причастность к которой он публично признал весной 1941 г. на объединенном собрании комсомольцев биологического и философского факультетов, ответив на вопрос о судьбе Вавилова словами библейского Канна: «Что я, сторож брату своему?»*.

Возглавляемые Презентом общества имели не только одинаковые задачи: их ядро составляла одна и та же малочисленная группа людей с повы-

* Личное сообщение Д. В. Лебедева.

шенной политической активностью (П. С. Беликов, П. Н. Овчинников, Б. Г. Поташникова, В. А. Щепетильникова, Г. Н. Штерн и др.). Их не устраивала кастовость, замкнутость научного сообщества, куда не так просто было проникнуть выходцам из новых слоев, не обладавшим прочными профессиональными знаниями. Будируемая ими «культурная революция» как «классовая борьба» была прежде всего борьбой маргиналов в науке за повышение своего статуса, против якобы совершаемой в отношении их дискриминации [71, с. 9]. Молодежь стремилась сломать традиционные формы научного быта путем вовлечения широких масс в обсуждение научных проблем и разоблачения «реакционной» профессуры, якобы мешавшей поставить науку на службу социалистическому строительству.

Им импонировала идея коллективных научных исследований, где можно было собственную бесплодность спрятать под флагом коллективного труда. За участие в борьбе с «буржуазными» специалистами им обещали быструю карьеру. Например, Д. Г. Боген был рекомендован в члены Комакадемии и руководителем Научно-медицинского совета при облздраве, чтобы взять под контроль «беспартийных и далеких от коммунистов лиц» [72, л. 2]. Этот будущий руководитель на вступительных экзаменах в аспирантуру получил по истмату и политэкономии «удовлетворительно», а экзамен по специальности вообще не сдавал. Тем не менее число подобных аспирантов в ЛОКА резко увеличилось. Если в 1928/29 учебном году их было 14, то в 1930/1931 уже 420. Еще грандиознее были планы. Предполагалось в 1933 г. иметь 2007 аспирантов, что было бы сравнимо с имевшимся контингентом научных сотрудников в Ленинграде [73, л. 2]. Изменился и состав аспирантов. Процент выходцев из рабочего класса за год возрос с 50 до 80 в 1931/32 г., а процент членов партии и комсомола до 97.

При самых низких требованиях к знаниям будущих руководителей науки с набором аспирантов по партийной разрядке были трудности. В первый год Институт естествознания набрал только 8 человек (менее 25% от плана), на следующий год — 20 аспирантов. Малокультурные, но нахально третировавшие и преподавателей, и студентов, партийцы стремились занять места своих учителей. Характерны воспоминания В. С. Кирпичникова, который в эти годы заведовал лабораторией генетики в Институте прудового рыбного хозяйства [74, с. 226]. К нему в лабораторию был направлен на практику студент В. Н. Михайлов, из партийных «тысячников». Кирпичников вынужден был написать за него диплом. Михайлов за короткий срок создал такую обстановку, что Кирпичникову пришлось отказать от заведования лабораторией, а позднее уволиться. Михайлов сразу же был назначен ее руководителем.

Карьеристы и не скрывали мотивов своей активности. На собрании биосектора ЛОКА 9 февраля 1931 г. говорилось, что в ВАСХНИЛ идут «бои» за марксистскую методологию, критикуются специалисты вавиловской школы, затиравшие молодежь. Но молодые подручные Презента понимали, что в своих атаках они должны учитывать позицию партийных органов. Так, Поташникова, призывая к преодолению взглядов Вавилова, от-

метила: «Вопрос с Вавиловым надо бы было согласовать с Обкомом» и признала, что «... за проработку Вернадского, Павлова и других лиц мы еще взяться не можем» [69, л. 57—58].

Атаковавшие не хотели признавать, что «кастовость», «высокомерие» «буржуазной» профессуры в значительной степени обусловлена более глубоким ее образованием. Недостаток знаний они прикрывали псевдореволюционной романтикой гражданской войны. В их лексиконе постоянно использовались выражения «провести разведку», «дать бой», «потерпеть поражение», «на биологическом фронте». Из таких «специалистов» Презент формировал бригады по «проработке» теорий лидеров научных школ в генетике, биогеохимии, экологии, лесоводстве с целью выявления в них механицизма и идеализма, разоблачения аполитичности исследований, несоответствия их задачам социалистического строительства. Бригады устраивали лекции и диспуты, проверяли учебные планы студентов и аспирантов, разрабатывали планы ряда всесоюзных совещаний, где предполагалось разоблачить оторванность научных исследований от запросов практики, обсуждались планы реорганизации научных обществ, чей кастовый характер особенно возмущал молодежь, не имевшую печатных работ.

Деятельность Презента в Ленинграде наиболее ярко отразила новые тенденции диалектизации биологии, направленной прежде всего на борьбу с традиционными научными школами. Он вовремя покинул тонущий корабль деборинцев, усвоив, что критерием истины и в философии, и в науке стало уже не соответствие высказываниям классиков марксизма, а готовность слепо следовать политике творца «великого перелома» и «культурной революции» и менять взгляды вслед за ее изменениями. Это обеспечивало успех Презента на протяжении многих лет вплоть до его «звездного» часа на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г.

Апогей «культурной революции»

Апогеем «культурной революции» в биологии стали дарвиновские дни, посвященные 50-летию со дня смерти ученого. В постановлении Президиума Комкадемии от 21 марта 1932 г. ставилась задача превратить юбилей «в широкую политическую кампанию». Смысл ее был сформулирован так: «В противоположность буржуазии и ее многочисленных лакеев — „ученых“ мракобесов, попов, социал-фашистов и пр., оголтело борющихся против дарвинизма, извращающих и фальсифицирующих учение Дарвина и использующих его в своих буржуазно-классовых целях — мировой пролетариат и научная советская общественность... подчеркнет, что только пролетариат является единственным наследником материалистических основ дарвинизма» [75, с. 119—120]. Сотни лекций на эту тему были прочитаны на заводах, фабриках, в рабочих клубах. В Москве и Ленинграде были организованы грандиозные выставки в соответствующем идеологическом обрамлении. Прошла серия торжественных объединенных заседаний АН СССР, ВАСХНИЛ, ОБМ, ОВМД и Союза безбожников. Общий тон зада-

вали статьи в центральных газетах — «Известиях» (18 апреля 1932 г.) и «Правде» (19 апреля 1932 г.). Цель их — доказать, что советская наука находится на подъеме, а зарубежная переживает глубокий кризис. Десятки аналогичных статей были опубликованы в других газетах и журналах.

Но были статьи и иного характера. Многие биологи (А. А. Борисяк, С. Н. Боголюбский, Е. В. Вульф, А. Н. Северцов, Н. Г. Холодный и др.) серьезно анализировали общебиологическое значение теории Дарвина и ее роль в развитии различных отраслей биологии [76]. Это свидетельствовало, что оставалось немало биологов, не принявших стиль и язык руководителей «культурной революции». Явным становился ее провал в биологии.

Крах «союза» философии и биологии

Деятельность бригад Презента доставила немало неприятностей биологам, попавшим под проработку. Многие были отстранены от преподавания и уволены. Но главная цель создателей марксистских обществ — привлечь большое число ученых в свои ряды и расслоить специалистов — провалилась. Часть биологического сообщества, чисто внешне усвоив новую терминологию, продолжала работать по-прежнему. Другие не боялись открыто выступать против попыток «диалектизировать» биологию, называя, по признанию самого Презента, его доклады и рассуждения демагогией и словоблудием [65, л. 101—134]. Ученые начали осознавать грозящую опасность. Даже первые диалектизаторы биологии поняли, сколь опасно это занятие для самой науки. Как сообщалось на заседании Правления ОВМД, Б. М. Козо-Полянский заявил о своей приверженности механицизму, так как его альтернативой может быть только витализм. Особенно резок был Вернадский. Отвергая обвинения в витализме, В. И. Вернадский писал, что они «... высказаны людьми, говорящими о том, что они не знают и углубиться во что они не желают». И саркастически добавлял: «Углубиться, конечно, нелегко. Для этого необходим более тяжелый труд» [77, с. 406]. Он предупреждал, что культивирование в философии лишь одного направления «...приведет в нем самом к замиранию творческой философской мысли, как это всегда происходит со всеми охраняемыми — официальными — философскими учениями» [78, с. 73].

Это понимали и некоторые философы. Будущий председатель ЛО ОВМД Г. С. Тымянский говорил еще до его создания, что само название оттолкнет естественников [79, л. 24]. Так оно и произошло. В ОВМД вступали преподаватели философии, аспиранты и студенты. Но даже студенты уклонялись от «критики преподавателей и борьбы „с реакционной профессурой“, упорно стоящей на идеалистических и эклектических теориях» [46, л. 22]. Характерно сообщение о лекции на заводе «Красный коммунарь», где говорилось, что лекция была хорошая, но на ней присутствовали только пропагандисты. На правлении ОВМД признавалось: «Все наши усилия по охвату беспартийной профессуры не увенчались успехом» [80, л. 14]. Представитель из Иваново-Вознесенска прямо заявил, что весь состав об-

щества — это партактив, так как оно «создавалось в порядке партийной дисциплины», а профессора бояться диалектики.

Такая же участь постигла и ВАРНИТСО в Ленинграде. Только с третьей попытки удалось создать комиссию, принявшую 170 человек [81, л. 15]. Для города с 6 тысячами научных сотрудников и 13 тысячами инженерно-технических работников эта цифра была мизерна. Руководители ЛО ВАРНИТСО жаловались, что везде они сталкивались с непониманием задач общества и с открытой враждебностью. Можно было «услышать самые контрреволюционные слова и фразы. Не то, что люди шепчутся, а открыто издеваются над мероприятиями советской власти» [81, л. 22].

В Академии наук, для перестройки которой была задумана ассоциация, организационное собрание состоялось только 10 декабря 1930 г. В ее ряды удалось вовлечь лишь 5 процентов отнюдь не самых авторитетных сотрудников АН. Да и те были пассивны. Призывы Поташниковой взять наработку какого-либо академика не воспринимались всерьез. Аспиранты АН знали разницу между демагогическими декларациями и научными положениями и не собирались бороться со своими учителями. Не выполнялись и требования о классовом характере ВАРНИТСО. Так, в списке из 43 членов ВАРНИТСО на 15 мая 1931 г., где числилось 6 академиков, из крестьян было всего 8 человек, из рабочих 6. Более успешно, чем ВАРНИТСО, «расслоение научных сотрудников» провели комиссии Ю. И. Фигатнера и Я. Х. Петерса по «чистке» АН при помощи ОГПУ. Но «чистка» затронула преимущественно сотрудников аппарата и гуманитариев. Ученых-естественников в АН она практически не коснулась.

Аналогичная картина складывалась и в других организациях. Руководство Института естествознания обращалось даже в обком с просьбой обязать коммунистов-биологов вступать в ОБМ [82]. Но мобилизованные таким образом коммунисты, жаловался Презент, приходили в Институт естествознания и просили дать «поскорее заполнить все карточки на вступления в общества, не стремясь даже узнать их название» [65, л. 110]. В конечном итоге самые многочисленные «массовые» организации насчитывали не более двухсот человек, да и те, видимо, были только на бумаге. Из анкет видно, что подавляющее большинство членов любого общества чисто механически заполняли анкеты о вступлении или скорее всего даже не знали о своей причастности к нему [83]. Жалобы на замкнутость, на отсутствие массовой поддержки со стороны научной общественности, малую активность своих ячеек скоро стали главным лейтмотивом выступлений на бесчисленных президиумах, правлениях, бюро и собраниях обществ.

Сам Презент вызывал нарекания. По мнению ученого секретаря Института естествознания И. И. Розенблюма, его доклады «не дают представления о расстановке классовых сил на фронте биологии, и не предлагают плана работ...» [84, л. 36]. В январе 1932 г. партийное бюро института отмечало, что биосекция не взяла на себя инициативу по разоблачению враждебных школ в области биологии, не начала систематической работы по реконструкции АН и ВАСХНИЛ. 15 февраля 1932 г. Президиум ОБМ от-

метил, что все конференции в Ленинграде проведены плохо [85, л. 3]. А на Всесоюзной фаунистической конференции, по словам Е. И. Кирьяновой, были открыты враждебные выступления. Заявлялось, что марксизм никакого отношения к гельминтологии не имеет (Ш. Д. Мошковский), что надо осторожно вмешиваться в природу (Б. В. Властов, А. П. Семенов-Тянь-Шанский и др.).

Презент признавал, что многие ученые (В. И. Вернадский, В. Е. Тищенко, И. Н. Филипьев и др.) открыто насмеялись над его докладами [65, л. 101—134], уверяя, что структура их мозгов «не способна воспринимать диалектику». Профессор Тищенко на лекциях спрашивал, чем отличается мат от диамата. И сам отвечал: «Матом занимаются только в торжественных случаях, а диаматом каждый день». Глухое сопротивление, жаловался Презент, оказывают даже биологи-коммунисты. Чисто внешне демонстрируют согласие с диалектическим материализмом К. М. Быков, В. Н. Любименко, В. Н. Сукачев, А. А. Заварзин и др. Например, Сукачев признавал ошибочным поиск аналогий между растительными группировками и обществом. Каялся он и в склонности к механицизму, усвоенному им некритически из учений Морозова о лесе и концепции Бухарина о подвижном равновесии [69, л. 26]. Однако тщательно подготавливаемый ОБМ диспут в ЛТА, где после доклада Сукачева предполагалось «дать решительный бой СУКАЧЕВУ» и развенчать его вместе с другими профессорами перед научной общественностью, правлением ОБМ 28 апреля 1931 г. был признан проваленным. Диалектизаторов биологии не поддержали даже члены партии. Неудачей для Презента закончился и диспут в Ихтиологическом институте, где в защиту критикуемых В. А. Догеля и Л. С. Берга выступил крупный гидробиолог Н. М. Книпович, отметивший односторонность нападок Презента и его невежество. В. А. Ковда возмущался, что публичное заявление Вернадского о быстрой деградации географии и минералогии в СССР и о расхищении коллекций и библиотек «малограмотными студентами и научными работниками-недоучками» не встретила никакого отпора [65, л. 128].

Бригады Презента все чаще приходили в учреждения уже после поголовных арестов всех сотрудников (например, на Волжской, Тихоокеанской, Мурманской биологических станциях и др.), и проверявшим оставалось узнать официальную версию происшедшего [69, л. 42—44]. В итоге их обвиняли в запоздывании в разоблачении вредителей в биологии.

К весне 1932 г. стала очевидной неудача попыток поставить под контроль биологическое сообщество при помощи массовых марксистских организаций. Крах этой кавалерийской атаки обусловлен и отсутствием варианта «советской биологии», с позиций которой можно было бы регламентировать исследования. Наспех подготовленные аспиранты не могли серьезно критиковать крупных биологов, а борьбу с ними с большим успехом осуществляли специальные комиссии по «чистке» АН, ВАСХНИЛ, университета и т. д., а вскоре и ОГПУ, арестовывавшие и ссылавшие неугодных (Ю. М. Вермель, Б. С. Кузин, Н. Н. Кулешов, Г. А. Левитский, Н. А. Максимов, П. Ф. Рокицкий, Б. Е. Райков, Н. Н. Сапегин, В. Е. Писа-

рев, М. Г. Попов, С. С. Четвериков, В. П. Эфроимсон и др.). Некоторые из них уже никогда не вернулись к научной работе.

Начало альянса Презента и Лысенко

Провал «культурной революции» был очевиден и лидерам партии. В речи Сталина, опубликованной 23 июня 1931 г. в газете «Вечерняя Москва», предлагалось прекратить травлю старой интеллигенции. Через несколько месяцев появляется сталинское письмо в журнал «Пролетарская революция» (1931, № 6), означавшее начало чистки уже среди коммунистической интеллигенции и ликвидацию пролетарских организаций.

Надвигавшиеся перемены уловил Презент. «Культурная революция» не удовлетворила его притязаний на роль вождя пролетарской биологии. Это побуждало искать покровителя, популярного среди партийного руководства, от имени которого можно было бы создать некую теоретическую базу для «диалектизации» биологии. Презент знал, что такого нет в Ленинграде, да и никто из местных ученых не стал бы с ним сотрудничать.

К этому времени был уже создан миф о Т. Д. Лысенко как талантливом агрономе. Его фамилия все чаще появляется в выступлениях Презента. Начало их альянса датируется 11 февраля 1932 г. В этот день, воспользовавшись участием Лысенко в съезде по физиологии растений, на заседании актива ОБМ в присутствии Лысенко обсуждались методологические установки его работ [86, лл. 1—5]. В плане работ ОБМ на 1932 г., составленном 23 марта, появляется бригада для разработки «методологических основ проблемы управления физиологией развития растений (яровизация)» и планируется совместная работа.

В апреле Презент составляет докладную записку в дирекцию Института естествознания ЛОКА, обосновывая поездку с группой аспирантов и сотрудников Биосектора в Одессу в Генетико-селекционный институт, в заповедник Аскания-Нова и к селекционеру И. В. Мичурину [87, лл. 7—12]. Цель — овладеть экспериментальным методом преобразования организмов и подготовить сборник на эту тему. Официальный запрос с удовольствием воспринимается Лысенко. Из его письма от 22 мая 1932 г. к Презенту можно понять, что Лысенко плохо знаком со своей будущей «правой рукой». Он даже не знает его отчества, именуя «Исаем Исаевичем» (вместо «Исая Израилевича») [88, л. 12].

Взаимная готовность к сотрудничеству дала быстрые плоды. Из письма Лысенко к Презенту от 6 ноября 1932 г. видно, что они уже приступили к написанию совместных работ [89, л. 1]. Лысенко просит Презента доработать статью и считать ее «результатом работы бригады Комакадемии». Так началось многолетнее сотрудничество, итоги которого оказались столь пагубными для отечественной биологии, что не раз становились предметом отечественных и зарубежных исследований.

Летом 1932 г. началась ликвидация марксистских организаций и обществ, возникших в период «культурной революции». Была ликвидирова-

на Ассоциация естествознания Комакадемии, а ее учреждения переданы в другие ведомства. Распущены были и входящие в Ассоциацию общества. К возвращению Презента из вояжа к Лысенко 11 июля 1932 г. на совместном заседании Президиума и Секретариата ЛОКА было сообщено о решении ликвидировать Институт естествознания и о снятии слова «марксистов» из названия ОБМ, чтобы сделать его более доступным для биологов [90, л. 80]. Фактически ОБМ прекратило свое существование. Презент перестал быть и членом Президиума ОВМД. В 1934 г. его выгоняют из университета, и он уезжает к Лысенко в Одессу. Его ученики из Института естествознания были переданы в биологические учреждения АН и ВАСХНИЛ, их дальнейшая судьба в значительной степени зависела от прочности позиций традиционных научных школ, куда они попали. Наиболее разрушительной их деятельность была в ВИРе у Вавилова.

Ликвидация учреждений «культурной революции» растянулась на несколько лет. В 1932 г. из состава Комакадемии вновь выделяется ИКП. Вскоре перестали выходить журналы «За марксистско-ленинское естествознание» и «Проблемы марксизма», бывшие главными диалектизаторами биологии на этом этапе. Для решения судьбы «Проблем марксизма» оказалось достаточно одной фразы Сталина: «Здесь нет ни проблем, ни марксизма». Эти реорганизации оценивались руководством ЛОКА как фактор «дальнейшего развития и улучшения ее работы, повышения квалификации научных работников, изживания обезличивания в научной работе и увеличения научной продукции» [91, л. 75—76]. Утверждалось, что коллектив Комакадемии очистил свои собственные ряды от всякого рода оппортунистов и вырастил кадры идеологически стойких научных работников. В ближайшие годы перестали существовать ОВМД, ВАРНИТСО, Комакадемия и ИКП.

Среди пострадавших в репрессиях 30-х гг. оказалось немало диалектизаторов биологии. Исключая Овчинникова и Презента, погибли все главные диалектизаторы естествознания в Ленинграде (И. А. Вайсберг, И. И. Куразов, Л. А. Лейферт, Г. С. Тымянский, Я. М. Урановский, Н. Н. Никитин, Р. Э. Яксон, П. С. Серебровский и др.). Такая же картина была по всей стране. Вскоре за ними были уничтожены многие первоклассные биологи, лояльные к властям и бывшие активными организаторами советской науки. Достаточно назвать Н. И. Вавилова, Г. К. Мейстера, Г. А. Надсона, В. В. Станчинского. Кровью заплатили за свое участие в диалектизации биологии талантливые ученые-партийцы (И. И. Агол, М. Л. Левин, С. Г. Левит, В. Н. Слепков). В тюрьмах и лагерях побывали Б. Б. Польшов, Ю. Шаксель. Список философов и биологов-марксистов, пострадавших в репрессиях 30-х гг., огромен. К сожалению, в публикациях обычно называются одни и те же немногие фамилии, что не дает возможности представить подлинные масштабы ущерба, нанесенного сталинским террором биологии. Их места в вузах и отраслевых институтах нередко занимали выдвиженцы «культурной революции», в том числе и подготовленные Презентом.

Самому Презенту вновь удалось вовремя покинуть тонущий корабль и найти покровителя, с которым он и осуществил план диалектизации био-

логии. Агробиология, созданная Презентом с Лысенко, была представлена руководителям партии как подлинно пролетарская наука, изначально построенная на принципах диалектического материализма и поэтому способная стать орудием для осуществления самых грандиозных планов в сельском хозяйстве. В конечном счете им удалось убедить Сталина, что только сокрушение всех других конкурирующих течений и направлений и ограждение агробиологии от критики может обеспечить ее использование на полную мощь. Но эти события за рамками данной статьи.

* * *

Разыгравшиеся в 1929—1932 гг. события оказали решающее влияние на последующее развитие биологии при сталинском режиме. Под идеологический контроль были поставлены все биологические учреждения. Заграничные поездки и свободное общение с иностранными коллегами практически были запрещены на десятилетия. Известных биологов отстраняли от преподавания, арестовывали и ссылали. Сталинский «массовый поход революционной молодежи на науку» позволил взрастить генерацию, всегда готовую к поискам «врагов» социализма. Целые области биологии, пограничные с социальными и медицинскими науками, были разгромлены.

Вместе с тем основные цели партийной политики в области биологии не были реализованы. Не удалось, хотя бы в грубой форме, очертить контуры «пролетарской» биологии, сравнимой в теоретических и практических аспектах с расовой гигиеной и антропологией в нацистской Германии. Не было здесь контролируемых партией массовых движений, сравнимых с движением гигиенистов и евгеников в Германии. Еще не были созданы марксистские учебники по биологии.

В тоталитарных условиях ученые к идеологическим аргументам прибегали по одним и тем же соображениям: одни — желая ускорить карьеру, другие — убрать конкурента, третьи — в порядке самообороны и т. д. Были и искренне верящие в плодотворность марксизма для биологии. Но частая смена кампаний и лозунгов убеждала в ненадежности карьеры, построенной на лояльности. Особенно уязвимыми оказывались те, кто активно участвовал в пропаганде официальной идеологии. В массовых репрессиях 30-х гг. пострадали, в первую очередь, диалектизаторы биологии, среди которых наиболее сильна была конкуренция за покровительство властей.

Если в Германии достаточно четок был круг лиц, не принадлежащих к арийской биологии, то при сталинском режиме никому не были гарантированы успех или гибель. Заклейменные за идеализм еще в 20-х гг. Л. С. Берг, А. Г. Гурвич, А. А. Любищев не арестовывались, а двое из них даже были удостоены высшей научной награды СССР — Сталинской премии. «Колесование» вместе с линией партии не обеспечивало выживание. Активные проводники очередной партийной линии первыми гибли при ее смене. Диалектизаторы пострадали от репрессий, а постоянный критик Вернадский до конца дней был обласкан властями. И здесь не работает довод, что власти должны были считаться с международным авторитетом ученого. Всем из-

вестна судьба Вавилова, чья популярность за границей была не меньше, чем Вернадского. Вавилова не спасли заявления о приверженности марксизму.

Тотальный террор никому не гарантировал выживание. Это побуждало к активным действиям. Лидерами оказались генетики и селекционеры. Зная, что Лысенко и Презента поддерживает сам Сталин, они вступили с ними в бескомпромиссную борьбу. После войны к ним присоединились и биологи других специальностей. Здесь номогенетик Любищев и дарвинист Сукачев были едины в выступлениях против Лысенко, а сторонники последнего в равной степени травили и дарвиниста Шмальгаузена, и номогенетика Берга. Но и борцы с лысенкоизмом усвоили методы и приемы предшествовавших дискуссий. Все выступали под знаменем диалектического материализма. Все апеллировали к властям как к верховному арбитру в научных спорах и каждый стремился привлечь их на свою сторону. В этой борьбе вызревала вера в возможность организованного противостояния тоталитарному режиму. В какой-то степени здесь коренятся истоки диссидентского движения в СССР.

Список литературы

1. Weiss Sh. The Race Hygiene Movement in Germany, 1904–1945 // *Osiris*. 1987. № 3. P. 193–236; Weingart P. German Eugenics between Science and Politics // *Osiris*. 1989. № 5. P. 260–262; Weindling P. Health, Race and German Politics between National Unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge, 1990; Mehrtens H., Richter S. Naturwissenschaft, Technik und NS-Ideologie. Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte der dritten Reich. Suhrkamp, 1990.
2. Joravsky D. Soviet Marxism and Natural Science, 1917–1932. New Haven, 1961; Graham L. Science and Philosophy in the Soviet Union. N. Y., 1966; Adams M. Science, Ideology and Structure // *The Social Context of Soviet Science*. Boulder, 1980. P. 173–204; Weiner D. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington, 1988; Александров Д. А., Кременцов Н. Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Очерк социальной истории советской науки (1917–1950-е годы) // *ВИЕТ*. 1989. № 4. С. 67–80; Колчинский Э. И., Орлов С. А. Философские проблемы биологии в СССР (1920–1960 гг.). Л., 1990; The Wellborn Science. Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia / Ed. by M. Adams. N.Y., 1990; Репрессированная наука / Отв. ред. М. Г. Ярошевский. Т. 1. Л., 1991; Т. 2. СПб., 1994; Сойфер В. Н. Власть и наука. М., 1993; Lother R. Lyssenkoismus contra Genetik // *Biol. Zent. bl.* 1996. Bd. 115. S. 171–176.
3. Graham L. Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920s // *American Historical Review*. 1978. V. 83. P. 1135–1164; Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992; Beyrau D. Bildungsschichten unter totalitären Bedingungen: Überlegungen zu einem Vergleich zwischen NS-Deutschland und die Sowjetunion unter Stalin // *Archiv für Sozialgeschichte*. 1994. Bd. 34. S. 35–41; Beyrau D. Intelligenz und Dissens: Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Göttingen, 1993; Вунер Д. Экологическая идеология без мифов // *Вопросы философии*. 1995. № 5. С. 82–97; Rabkin Ja. Science, Scientists and the End of the Soviet Union // *Europe: Central and East. L.*, 1995. P. 111–129; Josephson P. Totalitarian Science and Technology. New Jersey, 1996; Александров Д. А. Наука и нацизм // Фашизм в Европе — прошлое и настоящее. Материалы семинара. СПб., 1996. С. 98–123.

4. *Weindling P.* Health, Race, and German Politics: Between National Unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge, 1989; *Weindling P.* Darwinism and Social Darwinism in Imperial Germany: The Contribution of Cell Biologist Oscar Hertwig (1849–1922). Stuttgart, New York, 1991.
5. *Weingart P., Kroll Ju., Bayetz K.* Rasse, Blut und Gene. Geschichte der Eugenik und Rassenhygiene in Deutschland. Frankfurt/M., 1988; *Schmuhl H.-W.* Rassenhygiene, Nationalismus, Euthanasie. Von der Verhütung zur Vernichtung «lebensunwerten Lebens». Göttingen, 1992.
6. *Beurlen K.* Das Gesetz der Überwindbarkeit der Todes in der Biologie. Breslau, 1933.
7. *Тимирязев К. А.* Наука и демократия. М.-Пг., 1920. С. 464–475.
8. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 1921 г. (без даты) // Vernadsky Collection, Bakmeteff Archive, Columbia University. Box 11.
9. Письмо В. И. Вернадского к А. В. Гольштейн. 1 мая 1921 г. // Vernadsky Collection, Bakmeteff Archive, Columbia University. Box 3.
10. Письмо В. И. Вернадского к сыну. 12 июня 1921 г. // Vernadsky Collection, Bakmeteff Archive, Columbia University. Box 11.
11. Письмо В. И. Вернадского к дочери. 5 мая 1924 г. // Vernadsky Collection, Bakmeteff Archive, Columbia University. Box 11.
12. *Todes D.* Pavlov and the Bolsheviks // History and Philosophy of the Life Sciences. 1995. Vol. 17. № 3. P. 379–419.
13. *Krausse E.* Julius Schaxel an Ernst Haeckel (1906–1917). Leipzig, Jena, Berlin, 1987.
14. *Музрукова Е. Б., Чеснова Л. В.* Советская биология в 30–40-е годы // Репрессированная наука. Т. 2. СПб., 1994.
15. *Петров Ф. Н.* Научно-исследовательские институты СССР // Молодая гвардия. 1925. № 10–11. С. 146–149; *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). М., 1973.
16. *Купаигородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в годы Советской власти (1917–1925). М., 1984.
17. *Удальцов А.* Очерк истории Социалистической Академии (1918–1922) // Вестник Социалистической Академии. 1922. № 1. С. 13–37; *Graham L.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. Princeton, 1967; *Vucinich A.* Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970. Berkeley, 1984. P. 72–122; *Fox M.* The Emergence of a 1920s Academic Order in Soviet Russia: paper presented at Halle, Germany, May 1996.
18. Вступительное слово т. Покровского на торжественном заседании, посвященном 10-летию существования ИКП // ВКА. 1932. № 1. С. 79–86; *Алимов А.* Десять лет ИКП // ВКА. 1931. № 12. С. 13–19; *Fox M.* Memory, Archives, Politics: The Rise of Stalin in Avtorkhanov's Technology of Power // Slavic Review. 1995. Vol. 54. № 4. P. 988–1003.
19. И. Е. Тамм в дневниках и письмах к Наталии Васильевне // Природа. 1995. № 7.
20. *Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1978.
21. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963.
22. *Попов-Подольский М.* Пробный камень диалектики // Коммунистическая мысль. 1923. № 6–7. С. 31–45; *Рожницын В.* Дарвинизм и современный марксизм // Дарвинизм и марксизм. Харьков, 1923. С. 230–252; *Гурев Г. А.* Дарвинизм и марксизм. Гомель, 1924; *Бартев А. Н.* К вопросу о старых и современных путях в биологии // ПЗМ. № 12. С. 72–88; и др.

23. Козо-Полянский Б. М. Диалектика в биологии. Ростов-на-Дону — Краснодар, 1925; Любичев А. А. Понятие эволюции и кризис эволюции // Известия биологического НИИ при Пермском государственном университете. 1925. Т. 4. № 4. С. 137–153; Бехтерев В. М. Психология, рефлексология и марксизм. М., 1925; Завадовский Б. М. Дарвинизм и марксизм. М., 1926; Смирнов Е. С., Леонов Н. Д. Преформация или эпигенезис // Преформизм или эпигенез. Вологда, 1926. С. 1–24; Серебровский А. С. Теория наследственности Моргана, Менделя и марксисты // ПЗМ. 1926. № 3. С. 98–117; и др.
24. Поляков И. М. Происхождение животных и растений. Чему учит Ч. Дарвин? Харьков, 1924.
25. Сленков В. Наследственность и отбор у человека // ПЗМ. 1925. № 4. С. 102–122; Левит С. Г. Эволюционные теории в биологии и марксизм // Медицина и диалектический материализм. 1926. Вып. 1. С. 15–32.
26. Сленков В. Диалектический материализм в биологии // ПЗМ. 1927. № 10–11. С. 1249–1262; Левит С. Г. Диалектический материализм в медицине (Некоторые итоги и перспективы) // Вестник современной медицины. 1927. № 23. С. 1481–1490.
27. Местергази М. М. Эпигенезис и генетика // ВКА. 1927. № 19.
28. Dobzhansky Th. The Birth of the Genetic Theory of Evolution in the Soviet Union in the 1920s // The Evolutionary Synthesis: Perspectives of the Unification of Biology. Cambridge (Mass), London, 1980.
29. Fox M. Political Culture, Purges, and Proletarianization at the Institute of Red Professors, 1921–1921 // Russian Review. 1993. Vol. 52. № 1. P. 22–42; Козлова Л. А. Институт Красной профессуры // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–107.
30. Walker M. German National Socialism and the Quest for Nuclear Power, 1939–1949. Cambridge, 1989.
31. Самойлов А. Ф. Диалектика природы и естествознание // ПЗМ. 1926. № 4–5.
32. Информационный Бюллетень Коммунистической Академии при ЦИК СССР. 1928. № 8. С. 14–21.
33. Петербургский филиал Архива (ПФА) РАН. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1.
34. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–15.
35. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 40. Л. 44–49.
36. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 82.
37. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 126.
38. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 20. Л. 14. Д. 96. Л. 12–13.
39. ПФА РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 31.
40. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 44 (анкеты научных сотрудников).
41. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 7.
42. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 41.
43. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 13.
44. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 9.
45. ПФА РАН. Ф. 238. Д. 100. Л. 42–43.
46. ПФА РАН. Ф. 239. Оп. 1. Д. 12.
47. Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. by Sh. Fitzpatrick. Bloomington, 1984; Fitzpatrick Sh. Power and Culture Front in Revolutionary Russia. Ithaca, London, 1992.
48. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 58.
49. Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР / Отв. ред. В. А. Куманев. М., 1995. С. 201–235.
50. Известия. 1927. 17 апреля.
51. Тугаринов И. А. ВАРНИТСО и Академия наук СССР (1927–1937 гг.) // ВИЕТ. 1989. № 4. С. 46–55.
52. ПФА РАН. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1.

53. ПФА РАН. Ф. 239. Оп. 1. Д. 17.
54. *Торбек Г.* Деятельность Коммунистической Академии // ВКА. 1929. № 33.
55. Современные проблемы философии марксизма. М., 1930.
56. Постановление ЦК ВКП(б) о мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами 2-ой Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений // ВКА. 1929. № 33. С. 282–283.
57. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 44. Лл. 1, 40—41, 257, 298. Д. 46. Л. 97.
58. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 44.
59. Современные задачи марксистско-ленинской философии // ВКА. 1931. № 1.
60. План научно-исследовательской работы Институты на 1932 г. // ВКА. 1932. № 1. С. 17–39; *Кольман Э.* Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 71–81.
61. Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии. М.-Л., 1931.
62. Архив РАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 103.
63. Архив РАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 91. Л. 17. Д. 92. Л. 23—29.
64. Архив РАН. Ф. 1593. Оп. 1. Д. 142.
65. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35.
66. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 18.
67. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 53.
68. ПФА РАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1.
69. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5.
70. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 4.
71. *Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. № 4.
72. ПФА РАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 29.
73. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 5. Д. 4.
74. *Колчинский Э. И.* Запоздалое признание // Нева. 1993. № 12.
75. ВКА. 1932. № 4—5.
76. *Борисяк А. А.* Дарвин и геологическая летопись // Природа. 1932. № 6—7. С. 527—540; *Вульф Е. В.* Дарвин и ботаническая география // Там же. С. 545—559; *Боголюбский С. Н.* Дарвин и эволюция домашних животных // Там же. С. 563—588; *Вишневский Б. Н.* Дарвин и вопросы антропогенеза // Там же. С. 589—618.
77. *Вернадский В. И.* По поводу критических замечаний академика А. М. Деборина // Известия АН СССР. Сер. ОМОН. 1933. № 3.
78. *Вернадский В. И.* Записки о выборе члена Академии по отделу философских наук // Коммунист. 1988. № 18.
79. ПФА РАН. Ф. 235. Оп. 1. Д. 32.
80. ПФА РАН. Ф. 239. Оп. 1. Д. 32а.
81. ПФА РАН. Ф. 245. Оп. 1. Д. 2а.
82. ПФА РАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 7. Л. 16. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.
83. ПФА РАН. Ф. 239. Оп. 1. Д. 44. Ф. 245. Оп. 1. Д. 19.
84. ПФА РАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 12.
85. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 7.
86. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3.
87. ПФА РАН. Ф. 232. Оп. 1. Д. 24.
88. ПФА РАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 22.
89. Архив РАН. Ф. 1593. Оп. 1. Д. 128.
90. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 59.
91. ПФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 14.